Второй и Первая

Автор:
Александра Плен

Второй и Первая

Александра Плен

Первая любовь. Она ворвалась в налаженную спокойную жизнь Сергея, как ураган. Яростный, безумный, свирепый, крушащий все на своем пути. Все, что происходило с ним до этого момента, оказалось не важным – бизнес, планы, увлечения.

Он и не предполагал, что любовь может быть такой болезненно мучительной, бросающей из одной крайности в другую, одновременно и созидающей и разрушающей.

Особенно, когда это любовь к невесте его лучшего друга.

Александра Плен

Второй и Первая

Второй

Неприятно, когда бросаешь надоевшую красотку, а она шлет проклятия тебе в спину и поливает грязью. Еще более паршиво, когда бросают тебя, а ты недоумеваешь, что же сделал не так. А уж совсем фигово, когда любимая девушка даже не догадывается о твоей любви.

С Вероникой я познакомился год назад, как раз на свой тридцатый день рождения. Наверное, это был подарок от Бога или наказание, как посмотреть. Но тот хмурый осенний вечер стал для меня роковым.

– Можно, я приведу свою девушку? Познакомитесь! – Веселый Пашкин голос в телефонной трубке не предвещал беды.

– Приводи, – согласился я легко. – Эта которая уже по счету?

– Нет, теперь все серьезно, – рассмеялся друг. – Для меня три месяца – большой срок.

– Ты нереально крут, – фыркнул я и отсоединился.

Мы соревновались чуть ли не со школы. Какие, сколько и много ли времени потребуется, чтобы затащить в койку. Пока по всем параметрам лидировал я. У двух других моих друзей, Пашки и Лехи, показатели были гораздо ниже.

И не потому, что я какой-то там супер-пупер мачо, красавец и спортсмен. Хотя ни внешностью, ни телосложением природа не обделила. Просто у меня больше денег. А девушки почему-то падки именно на эту «черту характера» у мужчины.

Так уж повелось, что последние пять лет дни рождения наша троица отмечает в моем первом ресторане, в котором я работал сначала поваром, потом шеф-поваром и в конце концов стал его владельцем.

Не верьте тем, кто говорит, что разбогател благодаря исключительным умственным данным или изнурительному самоотверженному труду. Да, я закончил универ и много работал, но… Первый ресторан я купил только благодаря тому, что родители перед отъездом на ПМЖ в Америку оставили мне немаленькое наследство. Я снял все деньги, продал квартиру, дачу у моря и купил ресторан в старом районе. В первые годы упахивался как раб на галерах, одновременно работая и шеф-поваром, и управляющим, и даже иногда барменом, смешивая коктейли за барной стойкой по вечерам.

Готовить я любил всегда. Когда родителей нет дома неделями, а то и дольше, хочешь не хочешь, а научишься. Мне повезло: необходимость переросла в

увлечение, увлечение – в страсть, страсть – в прибыльный бизнес. Сейчас у меня два ресторана в центре, и собираюсь открыть третий на побережье.

Родители периодически зовут переехать к ним. Сначала я отнекивался, что учусь, потом, что ищу себя, а в последнее время просто выбираю подходящий момент, чтобы сообщить, что не приеду вообще…

Я увидел ее в отражении огромного зеркала, висящего при входе. Зацепил краем глаза, выходя с коктейлями из-за барной стойки. Себе я всегда смешивал коктейли сам, не доверяя бармену. Она снимала плащ и что-то тихо и быстро шептала Пашке, украдкой зыркая по сторонам, словно маленькая птичка. Я так и остался стоять, как истукан, с бокалами в руках.

Как думаете, сколько времени нужно для того, чтобы влюбиться? День, месяц, год? Хрен вам! Секунда!

Говорят, грянул гром среди ясного неба. В тот момент я впервые понял достоверность этой поговорки. Вот она! Женщина, предназначенная судьбой. Словно над ее головой вспыхнул огромный неоновый указатель – ОНА. Единственная. Уникальная. Твоя.

Я узнал ее в одно мгновение и в то же мгновение понял, что никого, кроме нее, никогда больше не полюблю. Стало до одури страшно. Я тут же старательно затолкал эту стремную мысль обратно, слишком уж она была невероятной.

Потом, поздней ночью, дома, за бокалом виски, я разобрал ее внешность по молекулам и решил, что ничего особенного в ней нет. Обычная, ничем не примечательная худощавая девчонка, с непонятного цвета волосами, собранными в хвост. Одетая в одежду из стока, с дешевой претензией на моду. Глаза серые, не слишком большие, нос остренький, как у лисички, губы обычные, перламутровая помада им совершенно не подходит. Молчаливая, взгляд робкий, я бы даже сказал, затюканный. Почему же тогда вечером в ресторане она мне показалась самой прекрасной девушкой на свете?

– Это Вероника. – Голос Пашки выдернул меня из задумчивости. Они, оказывается, уже подошли?

– Можно Ника, – пискнуло это «недоразумение» и улыбнулось.

У меня внутри что-то ухнуло вниз. Я холодно кивнул и отвернулся, заказывая бармену лед. Выглядело грубо. Спиной я чувствовал их замешательство, но по-другому не мог – сердце колотилось, как ненормальное, бокалы в трясущихся руках норовили выскользнуть. Через секунду Пашка подхватил девушку и повел к нашему столику, знакомить с Лехой.

Мне нужно было прийти в себя. Срочно. Со мной что-то происходило. Непонятное, новое и от этого еще более пугающее. «Это пройдет, – мысленно сказал я себе. – Просто временное помутнение». До меня донесся ее тихий смех и циркулярной пилой прошелся по нервам. «Любовь с первого взгляда? Бред!» Но сердце не успокаивалось. Я обернулся и мазнул взглядом по сладкой троице. Все выглядели веселыми и довольными. На столе стояли две перевязанные яркими лентами коробки. Подарки мне? Как омерзительно мило…

Что ж, пора идти праздновать, а то бедный бармен уже боязливо косится в мою сторону.

– Ну, и как же вы познакомились?

После двух бутылок шампанского и четырех коктейлей обстановка немного разрядилась. Принесли горячее, и беседа пошла веселее. Я старался не смотреть на нее. И так каждый раз дергался, когда слышал ее тихий голос. Слава богу, она была молчуньей. То ли стеснялась в незнакомой обстановке, то ли характер был не слишком общительный. Мне это только на руку. Зато Пашка весь аж светился.

– Представляешь, она писала дипломный проект и ее загнали на нашу стройку! – Он захлебывался от восторга, словно это самое замечательное событие в жизни, которое с ним произошло. – Ника – интерьерный дизайнер. А ты же знаешь, что мы строим. Типовые коробки-скворечники. Вот я и сам сначала не понял, зачем ее прислали.

Он с нежностью посмотрел на девушку. Меня передернуло, дрожь пронеслась по телу. Слушая вполуха, в общем-то, банальную историю знакомства, я все больше мрачнел. Каждое слово – словно гвоздь в крышку гроба.

– А как поживает Наточка, твоя прошлая «любовь навеки»? – вырвалось у меня случайно. Или не случайно? Даже Леха, привыкший к моим «закидонам», округлил глаза, а Пашка поперхнулся минералкой. – Видел ее на днях. Прекрасно выглядит. Привет передавала. – Меня несло невесть куда. Какой бы ни была Вероника инфантильной, но такое ей точно не понравится. Вот и отлично.

За столом воцарилась неловкая тишина.

– Это было давно, – деланно веселым тоном разрядил ее Пашка, обращаясь к бокалу. – Наталья бросила меня год назад, и сейчас я бы ей сказал спасибо за это.

Официант принес десерт. Лешка пожелал мне чего-то… Мы выпили, потом опять и опять. Молчавшая до сих пор Вероника решила, наверное, совершить подвиг и произнести целую фразу.

– Я впервые ужинаю в пустом ресторане. – Она восторженно осмотрела огромный зал. – Это так удивительно и прекрасно… – Ее голос дрогнул и затих, в конце зазвенев, как разбитый хрусталь.

– И сколько раз в жизни ты ужинала в ресторанах? – не удержался от насмешки я, стараясь не обращать внимания на горящие восхищением глаза. Знаю, пустой сияющий зал производит нехилое впечатление.

– Два, считая этот, – тихо ответила она.

Я издевательски рассмеялся:

– Пашка, что ж ты экономишь на девушке? Наточку, помню, водил ко мне каждую неделю. Да и одета Ника так себе. Сводил бы ее в бутик, одел бы нормально… Тебе не стыдно рядом с ней?

Леха, сидевший рядом, ощутимо толкнул меня локтем. Я сделал вид, что не заметил. Зато заметил, как у девушки задрожали губы. Она низко опустила голову.

– У нас все впереди. – Павел обнял ее за плечи и чмокнул в щеку. – Правда, Ника?

– Да. – Голос у девушки был уже не таким ликующим.

Нужно еще добавить горечи.

– А ты представил Веронику родителям? – поинтересовался я мимоходом.

– Еще нет, – выдавил Пашка. – Собираюсь на днях…

Я насмешливо фыркнул и отсалютовал ему столовым ножом, зажатым в руке.

– А Нату познакомил уже через неделю. Он тебе рассказывал, как это было? – Я уставился Нике в лицо и с удовлетворением отметил, как оно побледнело, как напряженно сжались губы, каким затравленным стал взгляд. – Представляешь, он встал на колени… – как ни в чем не бывало продолжал я.

Пашка резко вскочил из-за стола.

– Не знаю, что сегодня у тебя за настроение, Сергей, – напряженно произнес он, дергая Нику за собой, – но нам пора. Поговорим, когда протрезвеешь.

Значит, он решил, что я пьян? Что ж, объяснение не хуже и не лучше многих. Так даже предпочтительнее. Понятнее.

Зашуршала одежда, хлопнула дверь. Ушли. Леха пошел их провожать, я остался сидеть за столом, сжимая в руках нож. Хотелось что-то расколотить. Дать в морду, получить в морду самому. Испытать физическую боль, чтобы заглушить душевную.

Хотя… Еще не вечер. Кто знает, как он закончится?

– Что это было? – вернулся Алексей и сел напротив.

Я пожал плечами.

– Осточертело все!

– Ясно. – Старому другу не нужна была причина. Такого объяснения было достаточно. Периодически у каждого из нас бывали времена, когда «все осточертело». Леха взял бутылку и разлил по стаканам коньяк. – Хочешь напиться?

– Сейчас это мое самое заветное желание! – искренне ответил я, одним глотком его опустошая.

За последующий год я прошел все стадии неразделенной любви…

Отрицание.

Этого просто не может быть. Да и не любовь это вовсе! Я – первый парень в школе, лучший в универе. За мной бегали все – от городской королевы красоты до дочери мэра. Да стоит мне только щелкнуть пальцами, сюда сбегутся толпы красавиц и будут наперебой предлагать себя. Это не любовь. Умопомрачение, которое скоро пройдет, и будет все как прежде… Не прошло.

Гнев на нее.

Да кто она такая?! Бедная невзрачная сиротка, не умеющая постоять за себя. Живущая в обшарпанной коммуналке, которую ей дало наше доброе государство. У нее нет ни вкуса, ни изящества, ни красоты. Она никто. Серая мышь. Робкая, неуверенная в себе, затюканная овечка. Да я бы и не взглянул в ее сторону, если бы Пашка не привел ее ко мне на день рождения. Мы – планеты, вращающиеся в разных галактиках. Я сильный. Я смогу ее забыть, если не буду видеть. Скажу Пашке, чтобы больше не приводил это недоразумение ко мне в ресторан… Не помогло.

Гнев на судьбу.

Что за несправедливость?! За что мне это? Чем же я прогневал судьбу, что она дала мне такой «подарочек»? Да заберите его обратно! Я никогда не обижал девушек, а если и бросал их, то всегда после щедрых отступных. С половиной бывших (по крайней мере с теми, кого помню) у меня остались прекрасные

отношения. За последний год в моей постели побывали блондинки, брюнетки и рыжие, молчаливые и болтушки, скромницы и соблазнительницы. Но что бы ни происходило на моей огромной кровати, что бы за безумства там ни творились, в сердце сидела тупая ноющая боль, перечеркивающая все наслаждение, – со мной рядом была не она.

Смирение.

Ладно, допустим, я влюбился. И пусть я никогда раньше не испытывал подобных эмоций, это ординарное чувство, которое рано или поздно приходит ко всем. Как же жаль, что мы встретились так поздно. Если бы раньше! Я первым бы завладел ею. Затащил в койку, развлекся пару месяцев. Одарил бы подарками и забыл, как мимолетное незначительное событие. Если бы она не была чужой девушкой, а точнее, девушкой моего друга! Иногда мне казалось, что лишь в этом причина моего безумия. Хотя… Если бы мы случайно столкнулись где-нибудь, скорее всего, я бы прошел мимо. Я обращаю внимание только на броских, модно одетых девушек. А по городу перемещаюсь на автомобиле. Так что если бы Пашка ее не привел ко мне, я бы с ней никогда не встретился.

И принятие…

В какой-то мере я ощущаю счастье от того, что счастливы они. Меня радует то, что у них все хорошо. Все-таки Пашка мой лучший друг. И это моя судьба, какой бы горькой она ни была. Судьба, которую нужно принять, и жить дальше.

Я любил незаметно, тихо, без надежды на взаимность. Наши редкие встречи на семейных праздниках или тогда, когда отвертеться не было никакой возможности, надолго выбивали меня из колеи. Я категорически отказывался от приглашений, если и Ника была приглашена. Но Павел, словно специально, тащил меня с собой. Не помогали ни мнимые простуды, ни «завал на работе». Пытаясь не светиться, я старался не смотреть на нее, не разговаривать, не думать, даже не дышать в ее сторону. А если требовалось что-то ответить, мои слова были полны сарказма и насмешек. Простодушный Лешка искренне не понимал, почему я так взъелся на тихую, робкую Нику. А я из кожи лез, чтобы себя не выдать. Ни словом, ни взглядом. И так Светлана, мачеха Пашки, иногда смотрела на меня настолько внимательно, что становилось не по себе.

Походу, первая любовь станет для меня последней. Что я только ни делал, чтобы от нее избавиться! Даже сходил к психологу, хоть и не верил в их мозгоправные штучки, считая распитую с другом бутылку коньяка лучшей терапией. Представительный мужчина, бравший сто баксов в час за обычный разговор по душам, пояснил, что у меня застарелая детская травма по причине того, что родители не уделяли внимания, а потом и вовсе бросили. Поэтому я никому не доверяю, не подпускаю к себе никого и так далее. А насчет первой любви – посоветовал отвлечься, переключиться на что-то другое. Ха! Как будто до этого времени я не пытался. Но, по его мудрому совету, две недели куролесил по барам, цепляя каждый вечер новую девчонку. Когда их лица слились в одно смазанное пятно, я понял, что и этот способ бесполезен.

Одно безумство сменяло другое. Последним стал звонок Нине с предложением пожить вместе, попробовать семейные отношения. Я с ней встречался дольше всех, целых полгода, и даже думал, что был влюблен. Нина с радостью согласилась и в тот же вечер приехала с кучей чемоданов. Квартиры в двести квадратов сразу стало мало. Не спасали ни разные спальни, ни три санузла, ни поздние возвращения домой с работы. Раздражало все.

Выдержал я целых десять дней, показавшихся мне адом. Крики Нины долго звенели в ушах, когда я ее выпихивал обратно.

Все изменилось в тот момент, когда Павел решил сделать Нике предложение. Эту «сногсшибательную» новость рассказал мне Алексей. Я вдруг понял, что пришел конец. Мне или моему истерзанному сердцу? Видимо, обоим. Пока они были не женаты, я мог хотя бы мечтать. Пашка был очень влюбчивым малым. Каждый год он влюблялся в новую девушку на «всю жизнь» и «до гроба». Я надеялся, что и его теперешняя страсть рано или поздно угаснет. Но если они поженятся…

Вдруг стало предельно ясно: они не расстанутся никогда. Вся моя жизнь так и пройдет, глядя на них. На их детей, внуков. На их счастье.

Мне стало тошно до одури. Я пришел домой, запер дверь и вытащил бутылку виски. Потом задумчиво поставил ее обратно. Это не выход. За последний год я напивался чаще, чем обычно. Так и до алкоголизма недалеко. Я не совсем идиот, способен понять, что облегчение, дарованное спиртным, временное. После становится во много раз хуже. И тут, словно мне было недостаточно хреново, позвонил Павел.

– Она никогда не была на яхте, я хотел бы сделать ей сюрприз, – уговаривал меня друг. – Представь: море, звезды, шампанское. И я с кольцом. – (Я представил и согнулся пополам от боли, словно получил кулаком в живот.) – Ну, пожалуйста. Только у тебя есть яхта.

– Сними на день в порту, – прохрипел я в айфон, стискивая изо всех сил корпус.

– Я хочу с ночевкой, и ты видел те яхты – обшарпанные, грязные, – умолял Павел.

– Ладно, забирай ее к чертям! Я дома, приезжай за ключами.

– Блин, Серый, ты смеешься? Ты же в курсе, что я не умею ею управлять.

– Твою мать! – не удержался я. – Ты что, рассчитываешь, что я поеду с вами? Третьим?

Внутри поднималась неконтролируемая злость. Хотелось послать друга куда подальше, с его кольцом, свадьбой, с его безмятежным восторженным счастьем, таким недоступным мне самому.

– Серега, возьми одну из своих подружек, – продолжал тарахтеть в трубку Пашка. – Устроим классную вечеринку вчетвером. У тебя же две каюты. Что тебе стоит? В последнее время мы почти не видимся. Ты совсем отдалился. Мы когда в последний раз собирались? Месяц или два назад?..

Он еще что-то говорил, а я уже понимал, что соглашусь на все. Я не видел ее сорок три дня. Беспросветная тоска сдавливала сердце. И хотя от него и так остались одни ошметки, оно еще могло болеть.

На яхту пригласил Ольгу, мы с ней как-то встречались пару месяцев. Не потому, что она мне очень нравилась, скорее потому, что она не подумает ничего лишнего и не будет надеяться на большее. Она так же, как и я, предпочитала свободные отношения без обязательств.

Мы вышли в море после обеда. Отошли на несколько километров от города и бросили якорь. Я закупил продукты, Пашка запасся спиртным. Пока я готовил праздничный ужин, получая от этого какое-то странное, извращенное

удовольствие, девчонки валялись на шезлонгах, а женишок готовил сюрприз.

– Может, все же сделаешь ей предложение наедине? – попытался образумить я его, когда он в очередной раз спустился ко мне на кухню. Он носился как угорелый по моему маленькому судну, раскладывая цветы, обрывая лепестки с роз, пряча подарки и шампанское в их каюте. – Мне что-то не хочется слушать этот бред, – добавил я холодно. – Ты же знаешь, как я отношусь к браку.

Павел задумался.

– После ужина мы уйдем с Ольгой вниз, оставим вас наверху, – продолжил я, помешивая соус. Большинство блюд я привез готовыми из ресторана, но с салатами и соусом нужно было повозиться.

– Ладно, – кивнул он. – Ты, как всегда, прав. Тишина, звезды, ночной город вдалеке… Круто! – И, уже уходя, заметил: – Хреново выглядишь, друг. С тобой все в порядке?

– Неприятности на работе, подрядчики срывают дату открытия ресторана, никак не могут доделать ремонт. Не бери в голову, – отмахнулся небрежно я.

– А… Ну, ок. А то я смотрю, похудел вроде…

– Иди уже, женишок. – Я шутливо пихнул его в спину.

Пашка весело подмигнул и полез по лестнице, а я тихо выдохнул, боясь, что не переживу этот вечер. А впереди еще свадьба. Может, сломать ногу? Полежу в больничке, отдохну…

Ужин прошел даже лучше, чем я планировал. Ника почти все время молчала. Или догадывалась, что последует за ужином, или стеснялась меня с Ольгой? Боялась моих насмешек или уверенной в себе красавицы, сидящей напротив нее в коротеньком модельном платье, открывающем бесконечно длинные ноги?

Поддерживала разговор Оля, за что я ей был искренне благодарен. Надо будет не забыть подарить ей что-нибудь из ювелирного магазина. Она меня здорово выручила, истинно женским чутьем понимая, что нужно делать. Не переходя

границу, она брала меня под руку, легко целовала в щеку, ерошила волосы, шутила и смеялась, протягивая мне кусочки фруктов. Со стороны мы казались настоящей парой. Что творилось внутри, оставалось тайной.

В этот раз я не мучил Нику насмешками и завуалированными оскорблениями. Я устал от всего этого. Устал избегать ее, устал смотреть в сторону. Устал прятать любовь за сарказмом и пренебрежением.

Как же мне хотелось хоть раз сказать ей, какая она красивая. Как сияют ее глаза, устремленные в небо. Как светится любопытством лицо, когда она смотрит на что-то новое, неизведанное. Каким внимательным и ласковым бывает ее взгляд. И как идет ей сейчас это скромное голубое платье с круглым вырезом. И еще много всего другого, что можно говорить лишь наедине в темной спальне.

За последний год она стала для меня самой прекрасной женщиной на свете, заслонившей собой мир. Все остальные ушли в тень. Нет, я замечал девушек, привлекательных и не очень, адекватно оценивал их и говорил комплименты, но они были как яркие картинки: плоские, абстрактные, не вызывающие во мне ни душевного отклика, ни интереса.

Я почти смирился. Оставалось лишь одно, что меня бесило до невозможности, – ее рабское преклонение перед Пашкой. Не знаю, был ли он ее первым мужчиной или нет, но она смотрела на него как на икону. Может быть, повлияло трудное детство? Пашка нам с Алексеем рассказал немного о ее жизни. После того, как ее родители погибли, Нику воспитывала бабушка. В шестнадцать лет она лишилась и ее. Веронику отправили в детдом, где она и прожила до совершеннолетия, потому что взять в семью взрослую девочку никто не захотел. Потом институт, общага, коммуналка.

Она во всем слушалась Пашку, никогда не перечила. Она больше была похожа на преданную собачонку, чем на невесту. Пашке это нравилось, а я пребывал в бешенстве. Из-за ее унизительной зависимости перед ним, неприкрытого обожания и детской восторженности. И даже если бы мысли о том, что я смогу ее отбить, посетили мою голову, увы – мне никогда бы этого не удалось сделать.

Поэтому я просто молчал и смотрел на море.

Ужин подходил к концу. На небе зажигались звезды, я принес кофе и пирожные. Кивком принял хвалебные оды моему кулинарному таланту, холодно заметив, что основные блюда готовил повар. Пора было уходить. Ольга подхватила меня под руку и, махнув на прощание голубкам, потащила вниз.

Я выдернул руку, как только за нами закрылась дверь каюты. Ольга одним движением расстегнула молнию на платье, и оно с шелестом упало на пол, открывая моему взгляду идеальную фигуру в кружевном белье. Девушка соблазнительно повела плечом, отбрасывая назад длинные волосы.

– Ты как хочешь, а я собираюсь напиться. – Я отвернулся и достал из шкафа бутылку. – Можешь составить мне компанию.

– Я лучше лягу спать пораньше, – хмыкнула она. – Если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

Хмуро кивнув, я вышел из каюты. Куда податься? Наверху влюбленные, они в любой момент могут спуститься в свою каюту, усыпанную лепестками роз. В другой спит Ольга.

Я залез в крошечную навигаторную и сел на пол, поджав колени. Бутылку поставил рядом. Сейчас я хотел просто побыть один. Впервые мне не хочется секса с красивой доступной девушкой. Что со мной не так? В глубине души я знал что. Сегодня решается не только судьба Павла и Ники. Моя тоже. Лишь будущее, открывающееся передо мной, не такое светлое и прекрасное, как перед ними. Смешно, я считал себя победителем по жизни, а сейчас скулю, как побитый щенок. Скорее всего, после свадьбы уеду к родителям в Америку. Эта мысль все больше кажется мне заманчивой. Не смогу жить рядом. Придется поддерживать отношения, приходить на дни рождения, крестины, пикники. Можно, конечно, поссориться с Пашкой, разорвать длительную крепкую дружбу. Но жить в одном городе – это сидеть на пороховой бочке, в любой момент ожидая встречи.

Решено – уеду. Очередной глоток виски заставил закашляться. Жаль бросать процветающий бизнес. Но сердце дороже. За год оно превратилось в рваную истрепанную тряпку, годную лишь на то, чтобы об нее вытереть ноги. Я стал злым, дерганным, озлобленным. Срываюсь по каждому поводу и без повода, вгоняя в панику служащих. Пора это прекращать.

Не помню, наверное, я заснул там, на полу, скрюченный в три погибели. Потому что, проснувшись, болела не только голова, но и все тело. Было темно и тихо. Предполагаю, знаменательное событие уже свершилось. Меня тошнило, корежило и ломало. Было так фигово, что даже сердечная боль притупилась. Я кое-как доковылял до своей каюты и упал на кровать. Надеюсь, Ольга вовремя откатилась.

Я открыл один глаз. Голова раскалывалась на тысячу осколков. Мерзкое солнце вгрызалось прямо в мозг, сверля раскаленным буром. С закрытыми глазами я вышел из спальни и попытался на ощупь найти туалет. Только ледяная вода поможет мне сейчас.

Хватит! В последний раз я потакаю своей слабости. Это все равно ничего не изменит, так зачем же разрушать себя еще и таким способом? Уж лучше сразу головой в море.

Качаясь, словно за бортом девятибалльный шторм, я прошел через маленький коридорчик.

– Черт! – рявкнул я и ухватился за чью-то фигуру. Именно она преградила мне путь. Шум рассыпавшихся приборов показался адским громом. – Кто это еще?.. – Я сжал хрупкие плечи и чуть приоткрыл один глаз.

Ну, конечно! Только ее здесь не хватало! Сияющей, цветущей, пахнущей счастьем и цветами…

– Сергей, тебе плохо? – обеспокоенно произнесло «мое мучение». – Приготовить кофе? Или крепкий чай?

– Лучше помолчи. – Я неосознанно обхватил ее крепче и прижал к себе, наваливаясь сверху.

Боже, как же хорошо… Можно свалить на сон, похмелье, помутнение рассудка. На все что угодно, только бы еще хоть немного постоять вот так, с дергающимся сердцем, дрожью, пробегающей по коже, прижимая девушку к себе, представляя, что она моя. Еще хотя бы минуту, секунду, мгновение…

Но она уже выпутывается, отталкивает меня, пищит что-то недовольное. Я со вздохом разжал руки и лишь тогда почувствовал, что что-то твердое и острое давно втыкается в живот. Опустил взгляд.

– Что это? – Я обвинительно ткнул в маленький поднос, зажатый между нами.

– Я готовила завтрак для Паши и Ольги, – пролепетала Вероника. – Они заказали еще тосты. Вот я и…

– Что? – тут же взвился я. – Ты служанка?! Пусть сами себе делают тосты, руки не отвалятся.

– Но мне же не сложно…

– Хватит строить из себя рабыню! На моем судне слуг нет, так им и скажи. Нет, я сам скажу.

Пошатываясь, я поднялся на палубу. Ника плелась сзади. Пашка с Ольгой развалились на диванчиках перед накрытым столиком. На Оле было лишь лиловое бикини. Пашка весело рассматривал ее голые коленки и щедро вываливающуюся грудь. Неудивительно, что Нике пришлось сбежать.

– Утречко, – пробормотал я, взял стоявшую около Ольги чашку и одним глотком ее опорожнил. – Как вы пьете эту гадость?

– Ника такая простушка, совсем не умеет варить кофе, – весело мурлыкнула Ольга, картинно забрасывая ногу на ногу.

Я бросил взгляд на Павла. Тот даже не подумал защитить свою невесту.

– Ей и не нужно уметь – на кухне стоит вполне приличная кофеварка, – отрезал я мрачно. – Я сам чаще варю кофе в ней, чем в турке.

– Я не смогла ее запустить, – проблеяла овечка, стоящая за мной. – Там столько кнопок.

– Пашка, ты же знаешь, как ею пользоваться, много раз сам варил.

Почему-то я был дико зол. Раньше я бы сказал Нике что-то унизительное, вроде ее дремучего невежества, но сейчас притворяться уже смысла нет. Да и устал…

Павел пожал плечами. Он был расслаблен и доволен. Ночь, видимо, удалась. Против меня, хмурого, задерганного, с диким похмельем, он был похож на довольного султана, которому прислуживают одалиски. Ника неуверенно примостилась рядом, ставя поднос на стол. Краем глаза я заметил блеснувшее в утреннем свете кольцо. Захотелось поднять голову к небу и громко завыть.

– Поплаваешь со мной, детка?

Да, я точно должен ей что-нибудь прикупить. Ольга не дура и прекрасно догадалась о своем истинном месте в нашей четверке. Она служила бампером между нами, отвлекала внимание, перетягивала взгляды. Умничка. Почему я не влюбился в нее?

– А не слишком ли холодная вода, милый? – ответила красавица, вставая и потягиваясь стройным телом. – Конец сентября все-таки.

Я содрал майку, оставив одни шорты, и направился на корму, бросив через спину:

– Зачем тогда взяла бикини?

– Ты меня раскусил, – рассмеялась девушка, ныряя вслед за мной.

Вода действительно бодрила нереально. И мозги прочищала лучше любого аспирина. Вечер мы все-таки закончили в одной постели, а утром я купил ей брошь с сапфиром. В расчете.

До свадьбы оставалось две недели. Я изо всех сил держался вдали от бутылки, хотя даже заснуть иногда было невыполнимой задачей. Оставалось с головой погружаться в работу, проводя ночи в ресторанах. Я даже принимался готовить текущие заказы, чем приводил в шок поваров и официантов. Зато руки и голова были заняты.

Никогда не думал, что меня может согнуть в бараний рог банальная прозаическая любовь, воспетая в романах. Всегда считал себя выше этого. Кому сказать – засмеют. Серьезных увлечений в подростковом возрасте у меня и не было. В школе девчонки сами бегали за мной. Я был сыном богатых знаменитых родителей, и, пусть я их почти не видел, репутация играла свою роль. Наверное, именно это меня и испортило. Говорят, что лучше пережить тяжелую болезнь, вроде свинки или первой любви в раннем возрасте. А чем позже ею заражаешься, тем серьезнее последствия. Я не переболел любовью в юности, поэтому сейчас она меня просто убивала.

Я не принимал участия в приготовлениях к свадьбе, хотя Светлана периодически пыталась меня подпрячь. Как бы сильно я ни любил Пашкиных родителей, как бы близки мы ни были, я не мог позволить себе лишний раз видеть жениха и невесту. Моим подарком будет предоставление своего лучшего ресторана на целый день, плюс кухня и выпивка. Щедрый подарок, даже для меня. Я дошел до предела, до той степени безумия, которая стирает границы. Я боялся, что, выпив рюмку на свадьбе, я сорвусь и размажу лицо жениха кулаком или, еще хуже, признаюсь всем. Пусть меня поднимут на смех, пусть будет скандал, пусть друзья отвернутся от меня, но я уже не мог держать это в себе.

Я метался по квартире, как тигр, запертый в клетке. Хотелось выть от тоски, ломать мебель, биться головой о стену. Наверное, я дошел до ручки, потому что в какой-то момент мне пришла в голову дикая мысль – хорошо бы, Пашка исчез. Испарился. Разлюбил Нику, изменил ей, заболел неизлечимой болезнью, попал в аварию, в конце концов. Что угодно, что могло бы их разлучить хоть на время. А потом я что-нибудь придумал бы. Например, позвонил бы Натке, уговорил ее встретиться с Павлом. Они расстались по какому-то пустячному поводу: то ли ей подарок на День святого Валентина не понравился, то ли он опоздал на свидание. Я бы ей даже приплатил, только бы она согласилась.

Какой же бред лезет в голову! Я ужаснулся своим мыслям и постарался выбросить их из головы, стереть из памяти, но они, как заноза, засели внутри.

Павел – мой самый близкий друг. Мы неразлучны со школы. Именно его родители заботились обо мне, пока мои разъезжали по гастролям, оставляя на долгие недели единственного сына сначала с бабушкой, потом с няней, а в конце концов и одного. Именно Пашкин отец учил меня рыбачить и ездить на мотоцикле. Именно его мачеха учила меня готовить и гладить себе рубашки.

Светлана появилась в нашей жизни, когда нам с Павлом было по десять лет, и заменила нам обоим мать. Ее трехлетняя Маринка стала для нас младшей сестрой, куколкой, которую мы баловали нещадно. Я глубоко уважаю и люблю эту семью, и скорее сам прыгну с небоскреба, чем причиню им вред.

– Ты почему не берешь трубку?! – Лехин голос в телефоне орал так, что у меня заложило ухо и я отодвинул его подальше. – Где тебя черти носят?!

Я открыл было рот, чтобы объяснить, что забыл поставить телефон на зарядку, и он сдох. Что два дня не выхожу из дома, что попросил охрану внизу никого не пускать ко мне. Что и сейчас не горю желанием разговаривать с другом. Но не успел…

– Пашка погиб!!! Я целый день не могу до тебя дозвониться!

– Что?.. – На меня обрушилось небо. – Как?!.

– Вчера на стройке… В последний день перед отпуском… Поднялся на объект без каски… Хотя она бы ему не помогла…

До меня доходили отрывистые бессвязные слова. Мой мозг отказывался их понимать. Сильнейший шок забил уши ватой. Этого не может быть!.. Этого просто не может быть…

– Как она? – прошептал я враз севшим голосом.

Лешка мой вопрос понял по-своему.

– Светлана единственная, кто более-менее в порядке. Остальные паршиво. Дядя Коля заперся в гараже, Марина плачет в своей спальне, Ника… – Голос в трубке дрогнул. – Ну, в общем, капец. Я сам не могу до сих пор поверить…

Он еще что-то говорил, а я стоял парализованный, неспособный даже вздохнуть. У меня словно выдрали с мясом ногу или руку. А вместе с ними еще и огромный кусок сердца.

Пашка работал прорабом на стройке. Сейчас они возводили высотный жилищный комплекс у моря. Алексей рассказал, что у башенного крана оборвался трос. Павел зашел перед отпуском закончить дела, он шутил, смеялся и, видимо, поэтому был немного рассеянным, раз полез под такелаж. Смерть была мгновенной, его просто разрезало пополам.

Я просидел на полу, у окна, пока не стемнело. За стеклом гудел город, люди спешили с работы, сигналили автомобили, лаяли собаки, царила обычная повседневная жизнь. И сейчас в этой жизни не было Павла. Я мог не встречаться с ним месяцами, но я знал, что он где-то живет, ходит, ест, спит, разговаривает, смеется или ругается. Я знал, что, если позвоню, он сразу примчится, несмотря ни на что. Что выполнит любую мою просьбу, даже самую дурацкую.

Я так ему и не сказал, что всегда завидовал ему. Тому, что у него есть семья, отец, мать, сестра. Тому, как его все любят. Какой он веселый, обаятельный, добродушный. Даже его частым влюбленностям завидовал, хоть и подшучивал всегда. Потому что сам был не способен на подобные чувства.

Наверное, нужно позвонить, хотя я и не представлял, что скажу. Я поднял валявшийся на полу телефон и набрал номер Светланы. Она взяла трубку через почти минуту гудков.

– Что я могу сделать?

– Сергей… – Ее голос звучал глухо, но по крайней мере не всхлипывал и не дрожал. Да, это я узнал только сейчас, они с этим горем уже второй день. – Как хорошо, что ты позвонил. Поможешь? У нас тут и так дурдом, я одна на ногах, да еще и…

– Говори.

– Надо найти Нику.

Я замер.

– Вчера я забрала ее к нам домой после морга, дала успокоительное, и она вроде заснула. Потом я забегалась, а когда сегодня зашла в ее комнату, Ники там не

оказалось. Ездила к ней домой, в больницу. В общем, мне некогда ее искать по городу. Я не знаю, где она может быть, и боюсь, как бы чего не случилось.

– Я понял. Найду обязательно. В каком морге он лежит?

– При пятой неотложке, но ее там нет. Похороны завтра в десять. Я очень тебя прошу…

– Да-да. – Я встал и твердо ответил: – Не беспокойся, я привезу ее.

Я бесцельно колесил по ночным проспектам. Сначала посетил морг и коммуналку. Ни врачи, ни соседи не видели Веронику со вчерашнего дня. Потом бесцельно объезжал знакомые места: парк, набережную, офис, где она работает. Нет, решил я, так не пойдет. Нужно остановиться и подумать, иначе я буду до утра кататься.

Куда могла пойти убитая горем, ничего не соображающая девушка? Это должно быть связано с Павлом, с его смертью. И в то же время… Да! Мне пришла в голову мысль, кажущаяся на первый взгляд простой. Полгода назад Пашка на стройке повредил руку. Так, фигня, ушиб пальца, трещина в фаланге. Но все равно пару дней провалялся в больнице. Я приходил проведать его и, конечно, встретил там Нику. Это было городское отделение номер три. Павел выписался и больше там не появлялся, но, возможно, затуманенный мозг девушки интерпретировал его «болезнь» по-своему. В конце концов, ехать мне больше некуда.

– Молодой человек, заберите эту сумасшедшую. – Дежурная санитарка с радостью отвела меня к сидящей на полу в приемном покое девушке. – Она не хочет уходить и просит пустить ее к какому-то Павлу Лунину. Но у нас нет такого.

– Да, я знаю, – кивнул рассеянно.

Ника выглядела ужасно. Словно потерянный щенок, она сидела на голом бетоне, поджав колени. Услышав нас, она подняла голову.

– Операция уже закончилась? – произнесла она, с надеждой вглядываясь в наши лица. Меня она, походу, даже не узнала. – Когда можно будет его увидеть?

Санитарка многозначительно перевела на меня взгляд и закатила глаза. Я подошел ближе и опустился перед Вероникой на колени. Ее глаза были сухими и блестящими, искусанные в кровь губы казались кровавым пятном на белом лице.

– Операция закончилась, и Павел уехал домой. – Я мягко обнял ее за плечи и потянул вверх.

Девушка неуверенно встала.

– Правда? – Ее глаза распахнулись, в них загорелась сумасшедшая радость. – Он выздоровел? Он дома?

У меня перехватило горло. Я едва смог выдавить:

– Да… выздоровел. Есть какое-нибудь успокоительное, чтобы она сейчас заснула и всю ночь проспала? – Я понизил голос, отвернувшись к санитарке. Вытащил из кармана купюру в пять тысяч. Та мгновенно исчезла в кармане женщины.

– Сейчас, сейчас. Все организуем, – закивала она.

После укола Ника мгновенно вырубилась. И тогда я уже без проблем взял ее на руки, отнес к машине, положил на заднее сиденье и увез из больницы.

Я ехал по ночным улицам города, изо всей силы сжимая руль, разрывая кожаную оплетку. На душе было гадко. Я до сих помнил вспыхнувшую сумасшедшую радость от того, что Ника теперь свободна. Каким же мудаком я себя ощущал!

Очнулся, когда въехал в подземный гараж своего дома. Так даже лучше. Наверное, подсознательно я всегда хотел привезти Нику к себе домой. До этого момента не было случая.

– Прекрасный случай представился, – хмыкнул я саркастически, ненавидя и себя, и всю эту ситуацию в целом.

Девушка не проснулась ни когда я ее вез в лифте, ни когда вносил в квартиру. Пока положил ее в гостиной, потом перенесу в гостевую спальню. А сейчас мне нужно выпить. Срочно.

На часах полночь. Я плеснул в стакан виски и подошел к кушетке. Ника спала беспокойно. Она словно чувствовала, что сон ей навязали насильно, и старалась из него выпутаться. Ее лицо то расцветало улыбкой, то искажалось от страшного горя. Что ей снилось? Какие видения посещали ее?

Я поставил стакан на пол, опустился на колени, пристально всматриваясь в ее лицо, рассматривая каждую черточку, родинку и ресничку. Крошечные смешливые морщинки у глаз, несколько веснушек, едва заметный шрам на скуле (откуда?). Так близко оно впервые. При наших встречах я всегда отворачивался, боясь выдать свой интерес. Смотрел издалека и украдкой. Сейчас же я перестал себя сдерживать.

– Какая же ты красивая, – прошептал и провел ладонью по щеке. Обвел подбородок, тронул нижнюю губу.

Ника изогнулась и потянулась за моей рукой. Ресницы затрепетали, на губах появилась слабая улыбка. У меня дернулось сердце.

– Паша, Пашенька, – тихонько простонала она. – Где ты?

– Я здесь, здесь. – Я склонился ближе, ловя ее дыхание. Одной ложью больше, одной меньше. Я и так буду гореть в аду, какая разница за что.

– Мне сказали, что ты умер, – хныкала она.

Глаза оставались сомкнуты, но в уголках собралась влага и тоненькой ниточкой прочертила дорожку по виску. Ника словно билась в путах сна, старалась проснуться, но не могла. Ей укололи лошадиную дозу успокоительного, вряд ли ей это удастся.

– Я не умер… Я здесь, с тобой.

Услышав мои слова, она мгновенно успокоилась. Слава богу. Около получаса я просто сидел рядом и смотрел, как она безмятежно спит. Как равномерно поднимается и опускается ее грудь, как тихие вдохи и выдохи слетают с полуоткрытых губ.

Мне казалось, я мог бы так сидеть вечно. Но вдруг Ника опять беспокойно завозилась. Ресницы затрепетали, ее опять начали одолевать видения. Лицо скривилось, девушка захныкала. Я взял ее руку и начал перебирать пальчики, поглаживая каждый.

– Я люблю тебя, Паша, очень люблю, – прошептала она.

Я сжал зубы, грудь сдавило так, что стало больно дышать. Сердце – одна сплошная кровоточащая рана. Я склонился еще ближе и хрипло выдохнул:

– Я тоже тебя люблю, малыш… Спи.

Ника улыбнулась и снова затихла.

Нежный пушок на шее, изящный завиток уха. Рассыпавшиеся по подушке волосы, теплое дыхание, запах, от которого сносит крышу. Остались только я и она. В моей комнате, в моей квартире, на моем диване. Одни на целом белом свете.

Я словно переместился в другую реальность, где мы вдвоем и любим друг друга. Она просто спит. И в полной моей власти.

Я наклонился и коснулся губами ее губ. Легко, почти невесомо, но и от этого внутренности скрутило узлом. Я с трудом подавил дрожь и закрыл глаза, представляя, как снимаю с нее одежду. Каждый предмет, медленно и подолгу рассматривая, что скрывалось под ним. Сначала сниму туфли, поглажу крохотные пальчики, ноготки, тонкие косточки ступней, узкую щиколотку. Потом расстегну блузку, одну пуговичку за одной. Распахну, открывая взору простой хлопковый бюстгальтер, скрывающий безупречной формы небольшую грудь. Я давно знаю, какая она. Ее трудно скрыть под дешевыми тряпками, и сейчас я рассмотрю каждый миллиметр гладкой нежной кожи. Она идеально ляжет мне в руку, наполняя ладонь, я предвкушаю наслаждение, когда смогу коснуться ее губами.

Медленно стяну уродливую юбку, обнажая бедра. Я ни разу не видел Нику в купальнике, но мне кажется, что у нее будут стройные и изящные бедра, потому что ноги у нее великолепные. Ее живот нежный и упругий, я обведу его по контуру, едва касаясь кожи, наблюдая, как непроизвольно сокращаются мышцы. Поглажу выступающие тазобедренные косточки и впадину лона. Она слишком худа, но это поправимо.

За окном взвыла чья-то сирена. Я резко открыл глаза и ошалело уставился на мирно спящую девушку в миллиметре от моего лица. Сердце выскакивало из груди, меня колотило так, что казалось, я сейчас потеряю сознание.

Я никогда в жизни не думал о насилии. А сейчас почти был готов к этому. Картины, встававшие в моем мозгу, заставили бы покраснеть отъявленного маньяка.

Что я делаю?! Я сошел с ума? И где моя правая рука?..

Я резко отбросил себя от дивана и упал на ковер, вцепившись зубами в запястье. И только когда мой рот наполнился кровью, а дикая боль завладела всем моим существом, я смог взять себя в руки.

Холодный душ, йод, пластырь. В голове пусто. Кровь продолжала сочиться, я обмотал руку полотенцем. Наверное, придется идти в больницу, зашивать.

Во входную дверь тихо постучали. Я удивленно застыл, бросив короткий взгляд на часы. Два часа ночи. Код от этажа знают всего три человека. Теперь уже два. Интересно, кто этот ночной гость – Светлана или Алексей? Если честно, ни ту ни другого видеть не было никакого желания.

В проеме двери стояла мачеха Павла. Казалось, она постарела на десяток лет после того, как мы в последний раз виделись. Молодая красивая женщина превратилась в смертельно уставшую тетку.

Я молча отошел от входа, она шагнула в гостиную. Внимательно обвела взглядом комнату, задержавшись на спящей на диване Веронике. Я облился холодным потом. В голове была пустота, я даже не помню, в каком виде ее оставил! Я мазнул взглядом. Слава богу, и юбка, и блузка были на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/plen_aleksandra/vtoroy-i-pervaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить